

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ КАК ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКОВОГО КРЕАТИВА

Т.А. ГРИДИНА

*(Уральский государственный педагогический университет
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 372.461
ББК 4410.241.3

ЯЗЫКОВАЯ «РЕАЛЬНОСТЬ» КАК ФАКТ ДЕТСКОГО СОЗНАНИЯ

Аннотация: В статье анализируются типичные проявления спонтанной и осознанной игровой активности ребенка, предлагается типология словотворческих инноваций детской речи. Автором выдвигается идея необходимости разработки принципов интерпретации детских инноваций, адекватных реальности языкового сознания ребенка.

Ключевые слова: лингвокреативная деятельность, ассоциативный потенциал слова, инновации детской речи, языковое сознание ребенка.

Говоря о креативной функции языка, невозможно обойти стороной сферу детской речи, где язык каждый раз как бы заново рождается, открывается со стороны тех безграничных возможностей, которые позволяют использовать его как средство выражения мысли. «Вынужденная» креативность ребенка, обусловленная дефицитом его когнитивного и собственно речевого опыта, опирается на не востребованный узусом и нормой потенциал языковых форм и значений. В этом смысле вербальная креативность есть проявление так называемого языкового чутья (языкового инстинкта), что позволяет ребенку усваивать язык не поэлементно, а в опоре на некие самостоятельно выведенные на основе освоенных образцов «системные» правила, распространяемые на все подобные случаи без исключения. Этот процесс вполне коррелирует с основным принципом лингвокреативного мышления – порождением нового на основе установления ассоциации с уже познанным (или законом апперцепции). И именно ассоциативный потенциал слова, актуализируемый конкретным ребенком в соответствии с достигнутым уровнем когнитивного и языкового развития, составляет специфический ментально-языковой «субстрат» детских инноваций. Отметим при этом, что следование тому или иному «алгоритму» слово-, формо-, речепорождения носит эвристический характер, обусловлен-

ный целым рядом универсальных, индивидуальных и уникальных факторов развития личности.

Постигая значения языковых знаков, ребенок «вытягивает» из них то, что соответствует его «собственному» пониманию, его познавательному опыту. Маленький ребенок легко может уподобить хобот слона *клюву* (*Какой у слона клюв большой!*), назвать аиста *жирафом* (*Аист – это жираф, только птица она*). Однако даже очевидные парадоксы детской логики обнаруживают тот факт, что именно язык задает ребенку некую возможность первичной категоризации познаваемых явлений: с помощью перенесения известной номинации на в чем-то сходный объект. Так, «хобот, подобно клюву птицы, служит слону для добывания пищи». А «образная» аналогия, позволяющая ребенку выразить свое представление об аисте через сравнение с жирафом, поражает попаданием прямо «в яблочко»: ведь птица с длинными ногами и высокой шеей, действительно, своего рода «жираф» среди себе подобных. В таких своеобразных детских дефинициях отражается тесная сопричастность явлений разных сфер действительности, формирующих «сверхнаивную» (по определению Н.И. Лепской) картину мира ребенка.

Так называемые **лексические сверхгенерализации** или факты **сдвинутой референции** (термин Е.С. Кубряковой) демонстрируют актуальную для детей технику «компенсирующей» номинации на основе ассоциативных переносов по сходству и по смежности, способность ребенка «мыслить образной аналогией» (К. Штумпф). Ср. *брить барана* (вместо *стричь*); *деревья в гольфах* (о побеленных стволах деревьев); *голова вскипцалась и лицо плачет* (о проявлениях высокой температуры); *картошка плюётся* (о кипящей воде в кастрюле, где варится картошка), *червивый* (о поцарапанном пальце) и т.п.

Многочисленные **модификации** детьми уже существующих слов «взрослого языка» – еще одно яркое доказательство самобытности функционирования языка в сфере детской речи. Каждое наименование ребенок словно пропускает через индикатор соответствия языковой формы тому представлению о предмете, которое она должна, по его мнению, отображать. «Нелогичные» или неясные по своему происхождению наименования корректируются, получая мотивированность, обоснованную связью с обозначаемым: не *белка*, а *рыжка* (ведь она не белая, а рыжая), не *перочинный* нож, а *оточительный* (ведь никакие перья им не чинят), не *резиновые* сапоги, а *грязиновые* (в них по грязи ходят), не *бенгальские*, а *мингальские* огни, не *бормашина*, а *больмашина* или *брррр-машинна*, *скрипильный голос* (потому что он скрипит), не *диван*, а *лежан* (потому что на нем *папа лежит*) и т.п. Такого рода уточняющие реноминации составляют особый пласт детской речи, образующий систему собственных (отличных от узуса) средств обо-

значения, в той или иной степени представленную в лексиконе каждого конкретного ребенка. Встречаются и повторяющиеся, универсальные номинации типа *каметник*, *копата*, *гребло*, *гудильник* и т.п., зафиксированные еще К.И. Чуковским и ставшие своего рода маркерами детского языка.

Рефлексия над мотивированностью наименования – свидетельство активного отношения ребенка к постигаемой языковой «реальности» и одна из ведущих стратегий усвоения связи между формой и значением слова в онтогенезе: в основе этой стратегии лежит возникающая в сознании ребенка ассоциация по созвучию и / или по смыслу между знакомым и незнакомым словом. Установление таких ассоциативных связей может иметь чисто формальный или семантически обоснованный (с точки зрения ребенка) характер. Парадоксальная мотивация и семантизация незнакомых детям слов – это не что иное как версия, «догадка» о том, названием чего является данное слово. Отвечая на этот вопрос, ребенок подыскивает среди набора известных ему наименований то, что могло бы «подсказать» смысл неизвестного (непонятого) слова. Ср., например: *пенаты* – те, кто всех *пинает*; *гориллы* – *горелые* обезьяны; *замшевые* сапоги – те, в которых *замуж* выходят; *грузин* – грузчик и т.п. Действуя в данном случае «наугад», методом проб и ошибок, ребенок чаще всего попадает не в ту «мишень» (значение или мотивированность, приписываемые слову, не имеют ничего общего с его реальным происхождением и содержанием). Вместе с тем даже парадоксальная мотивация показывает нереализованный потенциал семантического наполнения слова. В самом деле, почему *пломбир* – это мороженое, а не зубной врач (тот, кто пломбы ставит); почему нельзя предположить, что *графин* – это муж графини, а *гусеница* – жена гуся; *канцелярские крысы* – не работники канцелярии, а *крысы*, которые заводятся в *письменном столе*; *голень* – часть ноги, а не *голый* живот, *голландцы* – жители Голландии, а не те, что забивают *голы*, *рубка* – помещение на корабле, а не место, где что-то *рубят* и т.п.?

Языковые модели допускают неединственную «интерпретацию», и этот факт находит отражение не только в наполнении узуальных слов новым (потенциальным) смыслом, но и в уточнении мотива номинации в соответствии с актуальными для ребенка признаками обозначаемого. Ср. *батагрея* (вместо *батарей*), *громкофон* (вместо *микрофон*), *голоножки* (вместо *босоножки*). Часто уточнение мотивированности слов выражается в достраивании детьми ряда недостающих тематически связанных номинаций или подбора оппозиита (синонима или антонима) к именуемому слову: ср. «детские» инновации типа *желтинка* как разновидность *мандаринки* (потому что мандаринка должна быть *красная*, а эта *желтая*); *краснила*, *синила*, *зеленила*, восполняющие информативную недостаточность внутренней формы сло-

ва чернила (ведь существуют не только *черные*, но и *синие*, и *зеленые*, и *красные* чернила). Аналогичны причины переименований типа *красняк*, *зеленяк*, *желтяк* на основе ситуативного уточнения значения слова-прототипа *синяк* (каждое из названий указывает на соответствующую стадию развития кровоподтека). Или: *горячедильник* как антоним к *холодильник*, ср. также *голодильник* – пустой холодильник); *гуляш* – *беляш* (съеденный на улице во время прогулки) как ситуативно значимое для ребенка противопоставление узуальной и собственной номинации и т.п.

Для ребенка – с его «номинативным реализмом» – слово воспринимается как неотъемлемая часть обозначаемого, как собственно один из признаков самого предмета. Ребенок-буквалист протестует также против слишком «общих» (родовых) названий. Ср.: *наестся*, *напиться* и детские *намакарониться*, *накомпотиться*, *начаяться* (соответственно «наестся макарон», «напиться компота, чая»); *рыбный* магазин и *ракный* магазин (буквально «магазин, в котором продают раков»: *Будете проходить мимо ракового магазина, купите мне раков!*). Для «взрослого» языкового сознания такая конкретность мотивировочного признака неактуальна ввиду того, что в языке действует принцип условности номинации (признак, отраженный внутренней формой, как известно, не покрывает всего значения слова и лишь задает один из возможных ракурсов восприятия называемого объекта).

Уточняющая реноминация касается и тех случаев прояснения мотивированности наименования, которые отражают специфический взгляд ребенка на объект, особенности детской «сверхнаивной» картины мира: *вихрачер* – парикмахер (буквально «тот, кто стрижет *вихры*»; непослушные вихры торчат обычно у мальчишек, и функционал профессии парикмахера сужается именно до объема этого актуального для ребенка признака); *папонки* – запонки, которые носит *папа*; то, что запонки вообще принадлежность мужской одежды, пока еще не входит в фокус актуальных для ребенка компонентов значения данного слова), ср. также: *эльбом* – альбом для Эли (подаренный, принадлежащий ей); *баллонка* – болонка (*толстая и круглая, как баллон, собака* – ассоциация метафорического характера, выявляющая актуальные для детского сознания эталоны сравнения); *безмамная* собака – о бездомной собаке-дворянке (*дом и мама* – неразрывно связанные для ребенка концепты); *круглолуние* – полнолуние; *мутель* – метель: *Вон как там мутно, ничего не видно, мутель* (модификация и осмысление ребенком внутренней формы слова в опоре на собственный перцептивный опыт) и т.п.

«Прояснение» и уточнение детьми мотивированности готового слова (или факты мотивационной рефлексии) являются одним из направлений развития речи ребенка как процесса соединения его когнитивного и языкового опыта.

Мотивационные инновации детской речи красноречиво свидетельствует о своеобразии языкового мышления ребенка, которое характеризуется ярко выраженной «прагматичностью», связанной с использованием слова как гибкой структуры, способной указывать на актуальные для детей смыслы и реализовать номинативные потребности ребенка. «Прояснение» и актуализация мотивированности готовых слов выявляет значимую для ребенка информацию о запечатленном в названии «образе» предмета, транслирует «мысль» номинатора (ребенка) об обозначаемом. При этом освоение техники соединения языковой формы и смысла – творческий процесс, проявляющий такие критерии вербальной креативности ребенка, как спонтанная семантическая и образная гибкость – способность в ситуации словарного дефицита использовать готовые языковые формы (и их мотивационные трансформы) для выражения собственных представлений о стоящем за словом содержании.

Однако самым ярким показателем созидающего (продуктивного) начала в освоении ребенком родного языка являются **словотворческие инновации детской речи**. Появление таких уникальных единиц детской речи отражает, прежде всего, тот факт, что сформированные на основе практического опыта ребенка когнитивные еще не «подкреплены» соответствующими языковыми обозначениями (ребенок их не знает или они вообще отсутствуют в языке). Однако главным импульсом для появления детских словотворческих инноваций служит не столько недостаток словарного запаса, сколько специфика ментальных доминант, определяющих языковое сознание ребенка. В числе таких доминант – *эвристическая направленность номинативных практик* ребенка, выявляющих его спонтанную вербальную креативность в выражении актуальных личностных смыслов (для обозначения последних «готового» слова нет или слово в языке имеется, но не «устраивает» ребенка по каким-то причинам семантического или формального свойства).

Так, детские инновации, созданные по определенному образцу (в опоре на конкретное слово или на какой-либо освоенный ребенком словообразовательный алгоритм), образуют номинативные подсистемы, дополняющие узуальные ряды слов соответствующих денотативных сфер. Ср., например, глагол *юлиться*, не имеющий однословного аналога в узусе: – Хватит вертеться за столом, как юла. – *Ты неправильно говоришь, я не верчусь, а юлюсь* (Зг.4м.). Перед нами типичный для детей способ обозначения «конкретики» действия – свертывание в одно слово информации, выраженной целым словосочетанием (в данном случае сравнительной конструкцией *вертеться, как юла*). Ср.: – *Фу, какая капота!* – Это называется «дождь». – *Это называется «капота»*. *Как капает – как-кап – так и называется* (д., 4г.) – номинация,

отражающая актуальный для детей акустический «образ» дождя. Аналогично по мотивации слово *капель*, не совпадающее по значению с детской инновацией, но имеющее ту же звукоподражательную основу.

Словотворческие инновации отражают особенности актуализации ономаσιологических структур, воплощенных в уже освоенных детьми словах: – *Мама, если снег идет, то снегопад, а если дождь, то дождепад?* (5 л.) // – *Я возильщик, дед – ложильщик* (4 г.). Соединение неких знаний о предметах постигаемой действительности и типовых номинаций для них дает ребенку возможность тиражировать модель (применительно к собственным ситуативным потребностям). Таковы, например, детские инновации *кофейница* (банка для кофе в зернах), *лимонница* (ваза для лимонов), *варенница*, *кальмарница* и др., созданные по модели названий предметов как «вместилища для продуктов» (ср. *сахарница*, *конфетница*, *перечница*). Реализация принципа номинации по функции – одна из самых популярных ономаσιологических практик детской речи: *писалка* – ручка, *деньгомёт* – банкомат, *уколка* – шприц, *стриж* – парикмахер, *распакетить* – распаковать пакеты, *замолоточить* – забить молотком, *завивательные щипцы* – плойка и т.п. Подобные инновации выявляют операциональную сущность детского словотворчества, показывая, что язык является для ребенка одновременно и объектом, и инструментом познания.

Природное языковое чутье в сочетании с уровнем лингвокогнитивного развития ребенка уже в дошкольном и младшем школьном возрасте создают предпосылки для **языковой игры**, когда инновация создается ребенком преднамеренно – при понимании ее условности (в соответствии с принципом «понарошку»). При этом и в сфере игровых номинаций действует актуальный для детского языкового сознания «закон симметрии» и «заполнения лакун». Таков, например, популярный в детской речи прием образования шуточных антонимических оппозиций путем «отталкивания» от слова-образца: – *Сейчас закапаем левомицетин. – А правомицетин?* (8 л.) // Ваня с другом играют в «Морской бой». Маша (5 л. 7 м.) спрашивает, как называются разные корабли. Ваня объясняет: «*Четырехпалубный – четырехпалубник, трехпалубный – трехпалубник...*». Маша спрашивает **явно с целью пошутить**: – *А как называется нольпалубный?* Установка на языковую игру может выступать основой создания ребенком вымышленного (фантазийного) мира. Так, сестра и брат – Саша К. (8 л.) и Миша К. (6 л.) придумали страну *Бурзилию*. – *Мы живем в Бурзилии, наш правитель – Бурз* (связь инновации с прототипом *Бразилия* очевидна, и в то же время это не простое отзеркаливание известного топонима, а творческий «эксперимент», моделирующий условное игровое пространство // Алеша (6 л.) придумывает мифических животных: *Кошкотавр ... быкотавр. Совотавр ... пингвинотавр. Дельфинотавр –*

аналогия с названием мифического животного (кентавр) просвечивает сквозь серию номинаций, в которых ребенок использовал идею «соединения» реального и нереального (обозначая с помощью сегмента - *тавр* некое человекоподобное существо: гибрид животного с человеком). Сложные конфигурации когнитивного и собственно языкового опыта определяют специфику креативных ходов, сопровождающих речевое развитие каждого конкретного ребенка. Можно, однако, выделить и некоторые типичные проявления «техники» реноминации (ремотивации) и собственно детского словотворчества (в аспекте их лингвокогнитивной природы). К таким типичным проявлениям спонтанной и осознанной творческой активности относятся:

1. Новое содержательное наполнение готовых языковых структур:

1.1. **Омонимическое словообразование** (при этом детская инновация, случайно совпавшая с уже существующим словом, потенциально способна выражать тот окказиональный смысл, который придает ей ребенок, устраняя «лакуарность» языка в сфере номинаций осваиваемой предметной области): *голубчик* «маленький голубь», *пончик* «сыночек лошадки-пони» (ср. отсутствие специальных наименований для птенца голубя и детеныша пони в узусе); *дворняжка* – женщина-дворник, *штукатурка* – жена штукатур («протест» ребенка против «общих» наименований лиц женского и мужского пола, имеющих одну профессию или связанных отношениями родства); *банальный* пирог – о пироге с начинкой из *бананов* (реализация ситуативной потребности в номинации). Самостоятельный характер омонимических инноваций (по отношению к имеющимся в узусе словам) обнаруживают метаязыковые контексты, проясняющие механизм детских словотворческих эвристик. Ср.: **Банальный**. Банановый. – *Бабушка сегодня сделала банальный пирог.* – Почему банальный? – *Потому что он с бананами* (д., 3 г. 6 м.). **Головомойка**. Шампунь. Дима собирается мыться: – *Мама, где у нас головомойка?* – Какая головомойка? – *Ну, голову мыть!* (3 г.); **Тайные**. О конфетах, которые тают во рту: – *Я люблю тайные конфеты, которые во рту тают* (д., 5 л.).

1.2. Окказиональная семантизация потенциально вариативной структуры мотивированных слов.

Наполняя мотивированное слово окказиональной идиоматикой, дети действуют в рамках освоенных ономаσιологических пропозиций, опираясь на значения знакомых (понятных) им единиц той же структуры. При этом спонтанно выявляется и избирательно реализуется системный «регистр» потенциальной интерпретации уже существующих слов: (Олеся рассуждает): – *Печник – тот, кто печёт, ельник – кто ели срубает, ночник, кто ночью не спит, птичник – где много гнезд, цветочница – это ваза* (бл. 4м.). Результаты ремотивации гото-

вых слов (как и омонимичные узусу инновации детской речи) наглядно демонстрируют тот факт, что через одну и ту же словообразовательную структуру могут пропускаться разные когнитии. Так, слово *печник* в интерпретации ребенка связано с глаголом *печь* как обозначением «действия, связанного с приготовлением пищи», (ср. *печник* – «мастер по изготовлению печей»). *Ельник*, мотивированное в детской речи тем же существительным, что и в узусе, соотносительно с иными пропозициями: *ель* «дерево, которое срубают (обычно под Новый год)», следовательно, «тот, кто срубает ели» – *ельник*; *ночник* – от слова *ночь*, актуальный смысл которого для ребенка связан с указанием на время суток (когда всем, особенно детям, положено спать), а «тот, кто ночью не спит» – *ночник*; *птичник*, очевидно, осмысливается ребенком по связи с когнитиями «птицы живут в гнездах» и «птицы живут стаями»; предметная отнесенность слова *цветочница* (ваза для цветов) определяется известной ребенку типовой ситуацией: *цветы* обычно ставят в вазу.

1.3. Парадоксальное «прояснение» внутренней формы немотивированного слова. Установленная на основе случайного созвучия мотивационная связь когнитивно «обрабатывается» ребенком в опоре на значение знакомого «корня», вводимого в модельную сетку «толкуемого» слова. Ср.: – *Бегония* есть, а *шагонии* нету? В данном случае ложноэтимологическая мотивация лексемы *бегония* через ассоциацию с *бежать* получает антонимическое «отзеркаливание» в новообразовании *шагония* (*бегать* – *бегония*; *шагать* – *шагония*). Тот же механизм лежит и в основе рациональной реноминации – с той лишь разницей, что в последнем случае проявление мотивированности наименования связано с указанием на реально присущие и известные ребенку признаки, свойства обозначаемого (см. об этом выше). Ср.: *шипанское* вместо *шампанское* (через ассоциацию с *шипеть*): – Папа открыл *шипанское*, а оно *шипело* и разлилось потом! (м., 5 л.).

Особый случай продуцирования нового значения в рамках готовой формы представляет собой этимологическая рефлексия (случайно угаданная ребенком генетическая связь созвучных слов). Обостренное «чутье» этимологического корня, свойственное ребенку, оживляет уже стертую мотивационную форму слова, обнаруживая неожиданный ракурс его осмысления на фоне закрепленной узусом семантики. Например: – Я могу смотреть на солнце один *миг*, оно мне *подмигивает* (м., 4 г.). Личностный ситуативный смысл установленной связи между мотивом и мотиватором в детском высказывании транслирует этимологический ассоциативный шлейф слова, который в известной степени формирует у ребенка образное (в данном случае олицетворенное) представление о кратком временном отрезке, равном одному «подмигиванию». Таким образом, осмысление словообразовательно-мотивацион-

ной структуры готового слова на основе его анализа и спонтанной словотворческой «репродукции» – одно из направлений первичной языковой категоризации и концептуализации постигаемого ребенком мира.

2. Особенности когнитивного освоения операциональных языковых алгоритмов в процессе создания детьми собственно словотворческих (словообразовательных) инноваций. Последние выступают как параллельные узусу номинации, образующие функциональные подсистемы детского «неологического» дискурса. Этот дискурс образуют:

- инновации, созданные по принципу **отталкивания от конкретного слова-образца или усвоенной модели словообразования**, «устанавливающие» симметрию (однотипность) выражения актуальных для ребенка смысловых отношений. Ср.: Владик, погрузив в игрушечный прицеп много разных игрушек, везет его и комментирует: *Тут одновременно конюшня, коровня, мотоцикляшня и оружие* (10 л.). Все инновации созданы по образцу слова *конюшня*. Мотивационные контексты, сопровождающие появление таких «серийных» номинаций, позволяют судить о специфике реализации словообразовательных моделей применительно к когнитивному опыту ребенка. Ср.: – *Машинист – на машине ездит. Кто на такси – таксист. А кто на «Волге» – волгарист* (м., 6 л.). Инновация *волгарист*, представленная в ряду тематически связанных номинаций *машинист, таксист*, показывает, что ребенком не учитываются (не освоены) различия мотивирующих лексем по родовой (*машина*), видовой («*Волга*») и функциональной (*такси*) соотносительности. Соответственно *машинист, таксист, волгарист* выступают как однопорядковые (видо-видовые) обозначения «пользователей соответствующего транспортного средства». Заметим, что слово *машинист* трактуется на основе буквального прочтения мотивационной формы слова (при «игнорировании» компонента «водитель поезда», определяющего идиоматику данной узуальной единицы); модель, реализованная в представленном ряду номинаций, в данном случае актуализирует лишь поверхностный уровень восприятия мотивационной формы слов подобной структуры. Словообразовательная модель и слово-образец могут актуализироваться одновременно, создавая условия для реализации продуцирующего алгоритма, закрепленного в конкретной номинации определенной тематики. Например: **Снежливо.** О снежной погоде: *А завтра на улице опять будет снежливо?* (д., 5 л.); **Снеголёт.** О снегопаде. Папа зовет сына на улицу, тот отказывается: – *Нет, там сильный снеголёт!* (5 л.). Ср.: *дождливо и снегопад* как эталонные номинации, способ образования которых тиражируется детьми при обозначении погодных явлений. **Лимонный.** Лимонный. Хвастается: – *У меня чупа-чупс – апельсиновый и лимонный!* (м., 5 л. 3 м.) – образование прилагательного по продуктивной

модели с суффиксом *-ов* при явном подравнении слова к актуальному для ребенка образцу.

- **словообразовательные инновации, отражающие специфику номинативной сферы детской речи** (восполняющие «недостаточность» узуальных номинаций для указания на «объекты», явления окружающего мира, попадающие в поле внимания ребенка). Ср.: *асфальтильщик* – рабочий, занимающийся асфальтированием дорог; *ещёкать* – повторять слово *ещё*, *недобатонить* – оставить батон недоеденным; *недогол* – о недолетевшем до ворот мяче. Среди подобных номинаций есть и такие, которые создают вымышленную самим ребенком «реальность»: *мухарь* – животное, которое ловит мух; к этому же типу можно отнести инновации, образованные путем свертывания (вербализации) словосочетаний (по принципу семантического включения) при необходимости указания на актуальное (часто ситуативно значимое) для ребенка содержание: *уподружить* (– *Мама, если мы Таню удочерить не можем, давай её уподружим*); *овнучиться* – стать бабушкой, «приобрести внуков»: (Обращаясь к бабушке: – *Я родился, а ты овнучилась*). Такие словообразовательные инновации при их формальном совпадении со структурой узуальных образцов обнаруживают специфику ментальных доминант детского языкового сознания. Ср.: *удочерить*, *усыновить* (буквально: официально признать чужого ребенка сыном, дочерью) и *уподружить* (взять в семью в качестве *подруги*); семантика детской инновации в данном случае соотносится с ситуацией принятия *подруги* в члены семьи (подобно тому, как усыновляют или удочеряют приемного ребенка); *намелиться* – наестся мела. Кира тайком от мамы ела мел. Позже признается в содеянном: – *Мама, я так намелилась, что больше не буду!* (4 г.);

- **словообразовательные инновации, находящиеся в отношениях синонимической (антонимической) дополнительной к узуальным номинациям.** При этом возможны следующие ситуации: а) узуальное синонимическое обозначение соответствующей реалии может быть ребенку неизвестно; б) известное наименование может подвергаться корректировке в плане его структурной мотивированности (соответствия представлениям ребенка о свойствах обозначаемого); в) немотивированная узуальная номинация может заменяться мотивированным словом «детского языка». Ср.: *печаталка* – принтер, *объедалка* – обжора; *наподушник* – наволочка; *кораблист* – моряк; *найка* – насадка; *тушенники* – пожарники; *чехолок* – колпачок (от ручки); *бульбулька* – река, *свистюльник* – чайник и т.п.; такие номинации обнаруживают когнитивные основания, в соответствии с которыми ребенок воплощает в языковой форме собственный образ мира. Ср. детские инновации, отличающиеся от узуальных только структурой («заменой» аффиксальных формантов): *силняк* вместо *силач* (*Мой*

папа сильняк! – д., 4 г.), **пропечаток** вместо **отпечаток** (*Какой пропечаток на бумаге остался!* – м., 4 г.), **расчесывалка** – расческа, **ревелка** – рева и т.п. Отнесенность таких инноваций к заменительному словообразованию (термин С.Н. Цейтлин) определяется их «связью» с известным ребенку узуальным словом (его корректировкой) при ориентации на определенную словообразовательную модель как предпочтительную для ребенка. Сюда же можно отнести и антонимические корреляты, образованные заменой приставки в узуальном слове: **растеряха** – **нетеряха** (заполнение лакуны в номинативной системе языка); подобные функции выполняет и обратное словообразование: ср. **несуразный** – **суразный** (депрефиксация порождает симметричную номинацию – по принципу образования взаимосвязанных слов от одной корневой основы);

- **гибридное словообразование (контаминация)** как специфический способ номинации, выражающий потребность детей в комплексном, синкретичном обозначении предмета или ситуации и одновременно проявляющем принцип экономии речевых усилий. Ср.: **чернигурт** – черничный йогурт. Рита просит: *Бабуля, купи мне чернигурт* (5 л. 6 м.); **глазейка** – лазейка, через которую можно увидеть то, что находится по ту сторону забора; **кучело** – чучело, слепленное из кучи снега; **луксус** – лук с уксусом; нередко контаминация обозначает квазиденотат: **пиджакет** – **пиджак** + **жакет**, **репуста** – **репа** + **капуста** (провоцирующим фактором гибридизации является фонетическое сходство отдельных частей объединяемых слов, в данном случае слова созданы путем соединения начальной части одного и конечной части другого слова – при частичном наложении созвучных сегментов); ср.: **кипена** – **пена**, образовавшаяся при **кипении**. Глядя на кипящий суп: – *Смотри, какая кипена накопела!* (д., 7 л.).

Особое место в неологическом дискурсе детской речи занимают инновации, которые проявляют осознанную интенцию ребенка к **языковой игре**, когда манипулирование формой и / или значением знака приобретает явно условный, непрагматический характер. Рефлексия над языковой формой приводит ребенка к креативному ходу, обнаруживающему ее «новое», неожиданное видение. Ср.: – *Есть дятел (смеясь)... и тётел* (м., 7 л.) // – *Наш папа – автомат. Отгадай почему? – Почему? – Потому что он папулька... пулька... автомат* (д., 6 л.) // *Масса книги без цитат – нетто, а с цитатами – брутто* (12 л.) и т.п. Такие (чаще всего шуточные) инновации проявляют уникальность языковой личности ребенка, во-первых, в самой склонности к языковой игре и возрастном проявлении этой интенции, во-вторых, в использовании приоритетных для ребенка игровых кодов (фонетического, семантического, грамматического, словообразовательного и т.п.) [см. об этом в: Гридина 2009, 2012]. Ср., например, ранее прояв-

ление языковой игры словообразовательного типа девочкой в возрасте 3 г. 2 м. Мама обращается к дочке, которая с топанием бежит по квартире: – *Хватит топать своими топотушами!* Та послушно прекращает топать (идет на цыпочках): – *Вот, топочу тихушами!* (при этом лукаво улыбается, явно понимает, что *тихо топать* нельзя). Образованный ребенком окказионализм тиражирует структуру употребленного в реплике матери слова *топотуши*. Ср. также шутливую контаминацию, сопровождающуюся метафорической ассоциацией, представленную в речи десятилетнего ребенка: **Снежики**. Низкие кусты, торчащие из-под снега, похожие на спрятавшихся ежей. – *Ника, смотри, кусты похожи на снежных ёжиков! Это снежики!* (девочка явно понимает условность и образность собственной номинации – об этом свидетельствует порождающий номинацию контекст). Собственно игровой дискурс детской речи развивается на основе спонтанных эвристических, проявляющих креативный потенциал ребенка в использовании языковых знаков.

Можно говорить о двоякой функциональной направленности лингвокреативной деятельности ребенка: 1) словотворчестве, проявляющем особенности когнитивного развития ребенка, особый ракурс видения объекта, актуальный для детского сознания; 2) словотворчестве, проявляющем отношение к самой технике языкового означивания, освоение которой позволяет ребенку моделировать картину мира «по собственным лекалам».

Лингвокогнитивный анализ детских инноваций подтверждает их операциональную значимость в соединении опыта освоения мира (эмпирического знания ребенка о реалиях окружающей действительности) с семантикой языковых форм и значений. Природа словотворческой эвристики в онтогенезе выступает, таким образом, в трех ипостасях: первая ипостась – это спонтанный речевой ход ребенка, выявляющий потенциальную интерпретационную валентность языковых знаков; вторая ипостась – это осознанный речевой ход, связанный с «коррекцией» существующих номинаций, их формальной модификацией и переосмыслением в свете актуальных ценностных ориентиров картины мира ребенка; третья ипостась – это речевой ход, выражающий (реализующий) интенцию ребенка к игровому манипулированию освоенными языковыми алгоритмами, формами и значениями. Представленный краткий экскурс лингвокогнитивной специфики детских инноваций предпринят с целью показать, что их анализ невозможен с позиций взрослой логики (извне), а должен осуществляться изнутри (с позиций детской логики – ментальности ребенка, проявляющей специфику языкового сознания формирующейся личности).

Сказанное имеет непосредственное отношение к **проблеме лексикографической фиксации фактов детской речи**. Каждый тип дет-

ских инноваций диктует соответствующий его специфике способ лексикографического описания – при этом приоритетной во всех случаях остается опора на узкий и широкий объяснительный контексты. Узкий контекст представляет собой собственно детское высказывание, в котором зафиксирована инновация, в том числе метаязыковой комментарий самого ребенка. Широкий – ситуативно-дискурсивный контекст – предполагает учет экстралингвистической информации, позволяющей судить о причинах появления соответствующих инноваций в свете детской ментальности

В рамках данной статьи коснемся лишь проблемы словарного толкования фактов детской речи с использованием разных способов, учитывающих специфику конкретных видов инноваций (словообразовательных и семантических). К таким способам относятся:

➤ **Толкование через синоним**

ДОМОГОВОРУН. Домофон. – *Мама, там домоговорун пищит* (д., 5 л.); **ВОЛЧОК.** Волчонок. – *Мы в зоопарке видели волка, и у него маленький такой волчок* (д., 5 л.); **НИБУ́ДЬ-КАКИЕ.** Всякие, любые. Мама, обращаясь к дочери: – *Какие карандаши у тебя есть? Дай мне один.* – Ева. – *Нибудь-какие есть. Вон они!* (показывает на свои цветные карандаши) (3 г. 6 м.) Данный способ толкования предпочтителен в том случае, если детское слово имеет в языке узуальный однословный синоним, при этом различия проявляются только в структуре и / или мотивации названия соответствующего денотата.

➤ **Толкование через антоним**

БЕГАТЕЛЬНЫЙ И ХОДИЛЬНЫЙ (РЕЖИМ). Антонимы к **ПОСТЕЛЬНЫЙ (РЕЖИМ).** Настя заболела. Услышав, что доктор прописал ей постельный режим, протестует: – *Нет, мама, у меня ходильный и бегательный режим* (д., 4 г.); **ВЕЛИПУ́Т.** Лилипут (как антоним к слову *великан*). Пришла из цирка. Рассказывает: – *В цирке были во-от такие* (показывает большой «рост», поднимая руки вверх и снижает голос) *великаны и во-от такие* (опускает руки ниже своего роста и говорит тоненьким голосом) *велипуты!* (д., 5 л.); **СНЕГОБАБКА** и **СНЕГОДЕДКА.** Шутл. Снежная баба и снеговик. – *Мы во дворе слепили снегобабку и снегодеду!* (м., 7 л.). Ср. аналогию с *дедка* (дед) и *бабка* (баба), противопоставленные по гендерному признаку.

Толкование через антоним продиктовано самой направленностью детской инновации на выражение смысловых отношений противопоставления. При этом важно иметь в виду, что созданные детьми оппозиции могут иметь контекстуально и ситуативно обусловленный характер, а, кроме того, часто отражают тенденцию к созданию формального (фонетического и структурного) подобия взаимосвязанных номинаций (ср. *велипут* и *великан*, *снегобабка* и *снегодедка*).

➤ **Толкование через развернутое описание**

ЗАГОРЕЛЫЕ ПТИЦЫ. Черные, прилетевшие с юга (птицы). Надя очень ждала весну. Однажды подошла к окну и кричит: – *Мама, уже птицы с юга прилетели!* – Какие птицы? – *Загорелые!* (д, 5 л.) [Семья и школа. – 1988. – № 7]; **ПЛОХАЯ ПОГОДА.** О температуре в парилке, где очень жарко и ничего не видно из-за пара. Зайдя с мамой в парилку, кричит: – *Фу! Плохая погода* (д., 1 г. 9 м.); **ПЕРЕГЛАЗАСТАЯ.** Та, у которой много очков. Мише читают басню про мартышку и очки. – *Ну, мартышка прямо какая-то переглазастая!* (м., 3 г.); **ПАХУШКА.** Освежитель воздуха для машин. – *Папа, давай машиновой пахушкой воздух побрызгаем* (м., 4 г. 6 м.).

Такие дефиниции предпочтительны в тех случаях, когда значение детской инновации не совпадает с узуальным или вообще не закреплено в языке за какой-то номинацией.

➤ **Толкование через мотивационный перифраз** (приведенный самим ребенком или выводимый из структуры и значения предъявленной инновации).

ВАСИЛЁК. Цветок, посаженный Васей. Ходит по саду, разговаривает с куклой, показывая ей цветы: – *Это цветок-василёк, потому что его Вася посадил. А это лилия* (смеется)... *ее Лилия посадила, а ромашку – Рома* (д., 5 л.); **ВЕЗДЕХОД.** Тот, кто ходит везде. Бабушка безуспешно зовет кота с улицы, сетует: – *И где он только ходит?* Сережа: – *Наш кот – вездеход. Он везде ходит* (6 л.); **ВАРЁНЬЕВЫЙ.** Цвета (земляничного) варенья. Утром пила чай с земляничным вареньем. В этот же день в магазине выбирают с мамой платье. Мама: – *Саша, тебе какого цвета платье?* Саша, показывая на платье розового (земляничного) цвета: – *Вареньевого* (5 л.); **ВЕНИТЬ.** Мести пол венником. Бабушка подметает пол, мешая внуку играть: – *Ну, когда ты перестанешь венить?* (Степа, 4 г.).

➤ **Сочетание развернутой дефиниции или синонимического толкования с мотивационным перифразом**

ДЫРЯВИТЬ. Протыкать, делать дырки, портить. Дети ссорятся, один пытается проткнуть карандашом дырку в рисунке другого. Саша (возмущенно): – *Не дырявь мой рисунок!* (5 л.); **ПОЛЮЛЮКАТЬ.** Убаюкать, укачивая на руках куклу (как укачивают ребенка, напевая ему «люли-люли»).

➤ **Толкование, включающее словообразовательный комментарий**

ГАМБУРЕК. Гибридное образование от гамбургер и чебурек. Ребенок по слогам читает на надписи на ценниках в киоске: «Че-бургер», «Гам-бургер». Через некоторое время спрашивает: – *Папа, а что такое гамбурек?* (м., 6 л.).

Способ образования слова в подобных случаях проясняет его значение и обнажает технику детского словотворчества.

► *Описание номинативной функции слова* (в опоре на детское высказывание, в котором зафиксирована инновация) **ФА́РЫ**. Глаза машины. Увидела, как машину ставят в гараж: – *Машина спать пошла*. Выключили фары. – *Всё. И глазки закрыла* (д., 2 г.) [Семья и школа. – 1989. – № 11]; **НО́СИК-КУРНО́СИК**. Нос, как у курицы. Бабушка, шутя, дразнит внука. – *Носик-курносик. – У меня не курносик! Я не курица, это у курицы нос острый, она даже клюнуть может* (м., 3 г.); **НО́ЖКА** и **РУ́КИ**. Ствол и ветви дерева. – *У деревьев одна ножка и много рук* (д., 4 г.)

Все перечисленные способы описания значений детских инноваций могут использоваться как объяснительный ресурс в словарях комплексного и дифференцированного типа – в зависимости от концепции лексикографического издания. Пафосом же данной статьи является мысль о необходимости выработки такого принципа интерпретации детских инноваций, который был бы адекватен реальности языкового сознания ребенка (см. опыт создания «Объяснительного словаря детских инноваций» [Гридина 2012]).

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива: Коллективная монография / Отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2009.

Гридина Т.А. Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива: Коллективная монография / Под общ. ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012.

Гридина Т.А. Объяснительный словарь детских инноваций. – Екатеринбург, 2012.

© Гридина Т.А., 2012

